

Фестиваль памяти

- В конце 8-го месяца, 1547-го года по континентальному календарю -

Это случилось в королевской столице Парнам, в день, когда летняя жара еще не спала, в большой комнате замка Парнам, где работали бюрократы, занимающиеся финансами (она же Финансовая комната).

В одном из углов этой комнаты стояли диваны в приемной, и в настоящее время их занимали Ророа Амидония, бывшая принцесса Амидонии, которая теперь была кандидатом на то, чтобы стать третьей основной королевой Сомы, и министр финансов Гэтсби Колберт, оба с угрюмым выражением лица.

На столе между ними лежало несколько документов. Эти документы были источником их нынешней головной боли.

— Что мы будем делать, принцесса? — спросил Колберт.

— Мы ничего не можем сделать, — ответила Ророа, откинувшись на спинку дивана и глядя в потолок. Необычно для всегда веселой Ророа, она выглядела подавленной. — Конечно, я сказала: «Если у кого-нибудь из вас есть интересный фестиваль, которым можно поделиться, дайте нам знать». Я сказала бюрократам, чтобы они придумали идеи мероприятий, которые могли бы принести деньги. Но все же... разве это не плохо?

Ророа смотрела на слова в документе, который она взяла в руки, с таким выражением лица, словно укусила что-то неприятное.

Колберт чувствовал себя точно так же. — Вы правы. Если все сделать неправильно, это может вызвать серьезную проблему, которая пошатнет основы этой страны.

— Я знаю! Честно! Фестивали должны быть для того, чтобы поднять экономику, поэтому мне нужны идеи повеселее.

Когда Ророа опустила плечи и вздохнула, Колберт посочувствовал ей. Он был ее помощником с тех пор, как они оказались в княжестве Амидония, и был экспертом в экономических вопросах, поэтому он прекрасно понимал, что она чувствует.

— Тогда... мы проигнорируем это? — спросил он.

Внимательные слова Кольбера заставили Ророа на мгновение заколебаться, но в конце концов она смирилась и тихо покачала головой.

— Боюсь, ничего не выйдет. Он собрал большое количество подписей. Я бы побоялась его игнорировать.

— ...это правда.

— Кроме того, если мы позволим тебе или мне сказать последнее слово о том, будем мы проводить мероприятие или нет, это может привести к ненужным неприятностям. Наши позиции таковы, каковы они есть, — самонадеянно добавила Ророа.

Не в силах больше смотреть на нее, Колберт собрался с духом и сказал: — Думаю, лучше всего посоветоваться с Его Величеством.

— Мы собираемся втянуть Дорогого в эту проблему?. Я не хочу.

— Ну, если мы собираемся осуществить этот проект, нам нужно получить разрешение от Его Величества, независимо от этого. Разница лишь в том, произойдет ли это раньше или позже.

— Ну, да, ты прав, но... если это я пойду спрашивать его об этом и заставлю Дорогого так себя чувствовать... Не сочтет ли он меня проблемной женщиной?

В какой-то момент беспокойство Ророа перешло в беспокойство девочки-подростка.

Даже с ее уникальным финансовым чутьем и даже если она могла принимать решения, определяющие судьбу княжества, Ророа все еще оставалась семнадцатилетней девушкой. Вполне естественно, что ее волновало, какой ее видит мужчина, который ей нравится.

У Колберта, который воспринимал Ророа как младшую сестру, ее отношение вызвало улыбку на лице. — Из того, что я знаю о Его Величестве, он не станет плохо относиться к вам из-за такой мелочи, как эта, принцесса.

— Ты серьезно?

— Если вы хотите, я могу сам поднять этот вопрос.

— ...Ннх, я думаю, что должна сделать это сама.

Ророа приняла решение, встала, решила и пошла к Соме.

Наблюдая за ее уходом, Колберт в душе подбадривал ее.

— Фестиваль памяти Гая? — повторил я.

Ророа молчала.

Сегодня я, как обычно, занимался своими бумагами в офисе по правительственным делам, когда пришел Ророа и вручила мне документ на несколько страниц.

Подумав, что обычно энергичная Ророа сегодня выглядит ужасно сдержанной, мой взгляд упал на бумаги, и... там было название «Проект предложения фестиваля памяти Гая».

Гай... хм.

Гай... это значит Гай VIII.

Гай VIII. Человек, который был отцом Ророа, а также князем Амидонии.

Княжество Амидония потеряло больше половины своей территории в войне с последним королем. Чтобы отомстить за это унижение, Гай начал провоцировать беспорядки внутри королевства и искать возможность отомстить.

Затем, когда у меня возникли разногласия с бывшим генералом армии Георгом Кармином, Гай увидел свой шанс и повел войска княжества на вторжение в королевство.

Силы княжества прошли через горы Урсула, нашу юго-западную границу с ними, и осадили

центральный город южного зернопроизводящего региона, Альтомуру. Гай намеревался взять Альтомуру, пока мы с Георгом сражаемся, и присоединить к своей стране близлежащие зернопроизводящие области. Я был уверен в этом.

Однако это была ловушка, которую устроил Хакуя, используя ложное восстание Георга, чтобы выманить Гая. Чтобы искоренить смутьянов внутри королевства, нам сначала нужно было уменьшить влияние их сторонников в княжеской семье Амидонии.

Покончив с фальшивым мятежом Георга и приведя трех князей в порядок, мы немедленно объявили войну княжеству.

Затем, создав видимость молниеносного вторжения в Ван, столицу княжества, я дождался, пока силы княжества, отступившие для защиты своей столицы на равнине близ Вана.

Затем, наконец, силы королевства и княжества столкнулись возле Вана.

Если посмотреть на результат, то более многочисленные силы королевства разгромили силы княжества, которые были измотаны отступлением, но при этом силы Гая проявили серьезное упорство в битве.

Даже когда силы княжества находились в состоянии полного развала, Гай и его ближайшие помощники предприняли самоубийственную атаку, чтобы позволить наследному принцу Юлию сбежать, и приблизились к главному лагерю королевства, в котором находился я.

Из-за экстремальной ситуации я так основательно вжился в роль «короля» в то время, что ничего не почувствовал, но... сейчас, оглядываясь назад, я содрогаюсь.

В итоге, благодаря помощи Карлы и ряду других факторов, клинок мести Гая так и не достиг меня.

Гай пал на поле боя, а я выжил без дальнейших происшествий, но один неверный шаг, и я бы погиб там.

К тому моменту Гай стал настолько похож на свирепого бога поля боя, что я поверил, что он действительно им был.

Устроить фестиваль памяти этого Гая... хм.

Пока я все еще пребывал в задумчивости, Ророа открыла рот, похоже, обретя решимость. — В регионе Амидония уже собрано достаточное количество подписей. Через месяц или около того пройдет год после битвы под Ваном. Они говорят, что хотели бы установить памятник всем воинам княжества, погибшим там.

— Если прошел год с той битвы... значит, сегодня первая годовщина их смерти, — медленно сказал я.

Ророа молчала.

Это означало, что сегодня будет первая годовщина смерти отца Ророа.

Я был вынужден убить отца Ророа ради блага королевства. Это произошло на поле боя, и он ей никогда не нравился, поэтому Ророа часто говорила, чтобы я не беспокоился об этом, но... несмотря на это, внутри меня осталось неприятное чувство.

Я уже считал Ророа своей семьей. Что бы ни случилось, я должен был защищать свою семью.

Я чувствовал, что зашел так далеко с этим своим основным убеждением.

Однако... я убил члена семьи своей семьи. Это был факт, от которого никуда не деться.

Возможно, ее встревожило мое молчание, потому что Ророа заговорила с принужденной веселостью.

— Вот это меня действительно поразило. Даже я не знаю, что делать. Проведение такого мероприятия чревато тем, что они могут вспылать патриотическим духом. Но раз уж мы обратились с предложением о проведении мероприятия, мы должны его провести. Кроме того, нужно подумать о моем положении бывшей принцессы Амидонии. Если я проигнорирую его, это может вызвать еще большую реакцию.

Ророа говорила быстро, одно за другим. Ее болтливость, должно быть, отражала ее беспокойство.

Скорее всего, она боялась, что, предложив это, она вызовет разлад в отношениях с Лисией и со мной. Ее глаза дрожали от беспокойства.

Я не мог ее винить. Она была зажата между своей семьей, которая была на стороне королевства Эльфриден, и народом княжества Амидония, который все еще смотрел на нее как на свою принцессу.

Я не могу позволить Ророа вечно выглядеть так...

Я хотел, чтобы Ророа снова начала смеяться, как всегда, и опять показалась её раздражающе веселая сущность.

— Конечно, я не вижу причин для этого. Давайте устроим этот фестиваль памяти Гая. — Я отложил бумаги, сделал вид, что ничего особенного не произошло, и улыбнулся Ророа.

Лицо Ророа, которое было немного опечалено, сразу же поднялось, и ее глаза расширились. — А?! Ты серьезно?!

— Имя, наверное, и так неплохое, — сказал я. — Но сделайте его не только как мемориал для жителей княжества, но и для всех людей, погибших в войне. В конце концов, когда войска княжества вторглись в Эльфриден, со стороны Эльфридена было не мало жертв. Переделайте это в мероприятие, посвященное всем погибшим в войне, пожалуйста.

— Это прекрасно, но... правда? Это действительно нормально? — Ророа все еще выглядела обеспокоенной. — Мой старик... Гай VIII был врагом королевства, верно?

Я поднялся со стула и встал перед Ророа. Я положил руку ей на голову, пока она неуверенно смотрела на меня, и слегка взъерошил ее волосы.

— Эй, дорогой, не так грубо, — запротестовала она.

— Когда ты ведешь себя сдержанно, это выводит меня из равновесия. Держу пари, ты думала: «Я не хочу, чтобы он возненавидел меня из-за неприятной ситуации в княжестве» или что-то в этом роде.

— Ах!

Казалось, я попал в яблочко. Ророа несколько раз моргнула.

Я вздохнул. — Не стоит так волноваться. Лисия и остальные разозлятся, волнуясь за тебя.

— Ну, я же твоя невеста, дорогой! Вполне естественно, что я волнуюсь!

— Но если бы ваши позиции поменялись местами, ты бы тоже злилась, верно? — спросила я.

Ророа замолчала, и я снова погладил ее по голове, на этот раз более нежно.

— Тебе не стоит беспокоиться. В моей стране не было ничего необычного в том, чтобы поклоняться тем, кого мы победили в войне, как богам после их смерти.

— Не было? — спросила она обеспокоенно.

— Да. Потому что после смерти побежденные несут в себе обиду и сожаление. Чтобы избежать таких проклятий, мы успокоили их гневные духи, закрепив их в качестве божеств-покровителей той земли.

Куницуками (п.п. земные боги), были побеждены Амацуками (п.п. небесными богами), Сугавара-но Митидзанэ** изгнанный из столицы, Тайра-но Масакадо** мечтавший о регионе Канто и поработенный... Возможно, в моей стране любят хорошие истории о неудачниках, но тех, кто старался изо всех сил и потерпел неудачу, поклонялись как богам и божествам-покровителям.

Конечно, это был и расчетливый ход. Они делали это, чтобы успокоить свои трагические души и избежать проклятия и обид.

Когда я объяснил это, Ророа удивленно моргнула. — Я думала об этом, когда у нас были проблемы с лунарианской ортодоксией, но, дорогой, у вашей страны очень свободный взгляд на религию. Можно сказать, она ужасно светская...

— А разве верования и фестивали не являются такими по своей природе? — спросил я. — Я думаю, что поминальные фестивали больше предназначены для живых людей, чем для мертвых, чтобы компенсировать печаль от потери дорогого нам человека, или чтобы позволить нам смириться с этим и жить дальше.

— ...Да. Возможно, ты прав.

Ророа наконец-то показала мне улыбку. Затем, возможно, сумев настроиться на новый лад, она показала выражение лица, в котором ее обычное очарование сочеталось с хитростью торговца.

— В таком случае, дорогой, раз уж ты согласен дать добро на фестиваль памяти, если уж мы собираемся его проводить, давай сделаем его с размахом. Именно для этого мы и собирали предложения. Я бы хотела, чтобы на него собралось много людей, которые будут сбрасывать деньгами.

Ророа усмехнулась, как будто она была ребенком, просящим меня о чем-то.

Это было очень похоже на Ророа - начинать деловые переговоры, как только она входила в новое состояние духа. Меня это немного раздражало, но... это было лучше, чем если бы она смотрела вниз.

— Поминальный фестиваль с показушным мероприятием, — Услышав это, я вспомнил один

случай из другого мира. — Как насчет того, чтобы устроить «Торо-нагаси»?

— Торо-нагаси? — Ророа наклонила голову в сторону.

Не буду скрывать, что мне показалось милым, когда она так сделала.

— Это способ отпускать мертвых с помощью огня. В моем мире берега морей и рек ассоциировались со смертью. Например, река Сандзу, которая отделяет этот мир от другого... для примера.

— Ооо. У нас в этом мире тоже есть такой миф. Есть великая река между этим миром и следующим, и тебе нужен паромщик, чтобы переправить тебя через нее.

Ооо, в этом мире тоже так было? Если я помнил, ассоциации «вода = смерть» и «берег воды = граница между жизнью и смертью» существовали как на Востоке, так и на Западе в другом мире. Похоже, здесь было то же самое.

Удивительно, но это может быть фундаментальным пониманием, которое есть у всех живых существ.

— Торо-нагаси включает в себя пускание лодок с подношениями вниз по реке, которая ассоциируется со смертью, чтобы успокоить духов, — сказал я. — Это похоже на что-то из области фантастики, когда видишь, как все эти огни медленно плывут по реке.

— Ух ты, звучит красиво, даже если послушать, как ты об этом рассказываешь!

Затем Ророа схватилась обеими руками за руку, которую я положил ей на голову.

— Я принимаю эту идею! Давай сделаем это с Торо-нагаси на Мемориальном фестивале! Теперь, когда все решено, я не могу терять здесь время! Пойду попрошу мистера Колберта провести подсчеты!

С этими словами Ророа вышла из комнаты... и остановилась у двери.

Затем, повернувшись всем телом, она мягко улыбнулась мне.

— ...Спасибо, дорогой, — сказала она певучим голосом, а затем энергично вышла из комнаты.

В отличие от ее прихода сюда, я мог слышать ее громкие шаги, отдающиеся эхом вдалеке.

— Вот такая Ророа мне нравится ... — пробормотал я.

Ее гулкие шаги словно отражали ее энергию, и мне это нравилось.

Приняв решение, Ророа действовала быстро.

Она сразу же составила бюджет вместе с Колбертом и начала работу над фестивалем памяти.

Я тем временем был занят своими политическими обязанностями, поэтому единственное, что я сделал для Фестиваля Памяти, это убедил Хакую в том, что можно чествовать Гая, нашего бывшего врага.

Из-за этого я оставил большую часть подготовки Ророа и ее людям.

...Теперь, когда я думаю об этом, это, возможно, было ошибкой.

- В середине 9-го месяца, 1547-го года по континентальному календарю -

Я моргнул и уставился на него. — Что это...?

Мы находились на берегу крупной реки недалеко от Вана, столицы бывшего княжества Амидония.

Глядя на флот на этой великой реке, я прошептал это.

Назвать это флотом не было преувеличением. Там были десятки маленьких, быстрых лодок, украшенных в великолепные цвета, и они ярко сияли на вечерней реке.

— Что? Это же Торо-нагаси, верно? — спросила Ророа с пустым выражением лица. — Лодки с фонарями на них плавают по реке, как ты и говорил, дорогой.

— Нет, нет, они слишком большие... Упс. Я ведь ничего не говорил о размере, правда?

Я только сказал ей послать лодки с фонарями вниз по реке. Я имел в виду лодки такого размера, чтобы их можно было нести в руках, но, судя по тому, как я это объяснил, я не мог винить ее за то, что она подумала, что я имел в виду маленькие лодки.

Однако, когда они достигали таких размеров, это уже не было Tourou Nagashi, а больше походило на другое мероприятие под названием Shourou Nagashi, или шествие лодок духов. Та самая, из известной песни Масаси Сада, которая нравилась моему дедушке. В Нагасаки лодка духа шествует по суше, но я слышал, что есть места, где ее пускают по реке.

Да... Я слышал забавные истории о людях, которые слышали песню Духовный поток (□ □ □ □) и думали, что это про Торо-нагаси, но я никогда не думал, что увижу обратное.

— Кроме того, ты вложила много труда в дизайн всех лодок, — добавил я.

Маленькие, быстрые лодки на реке были раскрашены в кричащие цвета. У большинства из них был какой-то мотив. Одни были похожи на баркасы викингов, другие - на Наден в ее Рю-форме или пегаса, были и такие, которые по форме напоминали дыни, редьку дайкон или другие фрукты и овощи. Были даже лодки с музыкальными группами на борту, и все они играли веселые мелодии.

Шествие огней и веселая музыка напомнили мне парад в парке развлечений, посвященном одному королевству.

— Это выглядит очень весело, но это не похоже на фестиваль памяти.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Ророа с выражением недовольства. — Это отчасти твоя вина, что все так получилось, верно, дорогой?

— Моя вина?

— Именно так. Когда ты занимал Ван, ты научил здешних людей, насколько веселой может быть свобода самовыражения, верно? С тех пор Ван стал городом искусств.

— Так я слышал. Я думал, что это лучше, чем если бы они сопротивлялись, поэтому никогда не задумывался об этом, хотя...

— Из-за этого сюда со всего королевства съезжаются молодые художники. Этот причудливый флот - продукт переполняющей их страсти.

— ...Серьезно?

Подумать только, моя политика привела к этому.

Что бы мы ни делали, всегда был результат, хороший или плохой, но на этом результат не заканчивался. Влияние того, что мы делали, продолжалось и после результата. Это будет продолжаться до тех пор, пока есть люди, которые что-то делают. Когда я думал об этом, причудливая сцена передо мной казалась трогательной.

— Если бы Гай мог это увидеть, он бы сошел с ума от ярости, — прокомментировал я.

— Мой старик, да, наверняка...

Вспомнив суровое лицо Гая, мы с Ророа криво улыбнулись.

Он заставил меня опасаться за свою жизнь во время нашего боя, но теперь он остался только в моих воспоминаниях. Настроение немного испортилось, и я решил сменить тему.

— Так вот почему ты подготовила и это?

— Остальные все очень нарядные, — сказал Ророа. — Ты ведь хочешь, чтобы лодка, на которой мы плывем, тоже произвела впечатление, верно?

— И все же... неужели тебе пришлось вытаскивать «Ророа Мару»?

Действительно. В данный момент мы находились на палубе транспортного корабля-амфибии «Ророа Мару».

Если бы мы продолжали использовать Little Susumu Mark V, чтобы парить над водой все это время, то волны, которые он вызывал, разрушили бы маленькие лодки вокруг нас, поэтому в настоящее время мы установили его на минимум, необходимый для того, чтобы резиновая часть, которая удерживает воздух, натянулась, и были на берегу.

На палубе стояло несколько столов с аппетитно выглядящей едой, а также драгоценный камень для трансляции, установленный для показа моих вступительных слов.

— Ньяхаха, это как раз то, что надо, — с веселым смехом сказала Ророа. — Если нам все равно придется заставлять солдат, бегающих за охраной, тащить драгоценность на борт, то лучше иметь большой корабль. Это будет хорошей демонстрацией для транспортного корабля-амфибии.

Ророа смеялась, но Колберт, отвечавший за финансы, должно быть, держался за голову. Чем более пышным она делала мероприятие, тем больше нужно было готовиться к его охране, в конце концов.

Пожав плечами, я огляделся.

Джуна и Томоэ стояли у борта корабля, весело показывая на флот и смеясь.

— Эта сцена похожа на что-то из фантастики, — пробормотала Джуна.

— Это действительно красиво, да, Джуна? — согласилась Томоэ.

Они вдвоем стояли здесь ночью, когда томительная летняя жара угасла, на фоне темной реки и великолепных кораблей. Эта пара из красивой женщины и прелестной маленькой девочки создавала неплохую картину. Тем временем за столиками на палубе...

— Нямк, нямк, нямк.

— Ном, ном, ном.

Аиша и Наден поглощали еду на столах.

Для Аиши это было обычным делом, но Наден был из тех, кто не может устоять перед хорошей едой. Технически они должны были быть моими телохранителями, но... о, хорошо, они прекрасно справятся.

Язвительно улыбнувшись им двоим, Ророа сказал: — Было бы неплохо, если бы старшая сестра Сиа тоже смогла прийти.

— Я думал позвать ее, но мы не можем заставить ее, — сказал я.

Ребенок в животе Лисии, очевидно, постоянно рос. Однако это был критический период, поэтому я не хотел заставлять ее проделывать долгий путь и вызывать у нее ненужный стресс.

— Кроме того, Лисия в своем письме настояла на том, что «Ророа - звезда сегодняшнего дня, поэтому позаботься о том, чтобы быть для нее достойным эскортом.» — Так что я постараюсь быть с тобой все время сегодня.

— Ньяхаха, это точно старшая сестра Сиа, хорошо. — Ророа улыбнулась кривой улыбкой, в которой было немного счастья. — Теперь... мой король, как насчет того, чтобы начать это шоу?

— У тебя получится, моя принцесса Ророа, — сказал я.

И я взял руку, которую она мне протянула.

— Скоро исполнится год с той битвы.

Голос Сомы эхом разнесся по реке, выбранной для этого мероприятия. На сцене, установленной на борту судна "Ророа Мару", Сом в роли короля произносил речь, открывающую фестиваль памяти Гая.

Ророа стояла рядом с ним, не отходя от него ни на шаг.

Стоя в гармонии, они олицетворяли солидарность между королевством Элфриден и княжеством Амидония, которые объединились в единое государство.

Эта сцена транслировалась по всей Фридонии через голосовую трансляцию. Сом продолжил свою речь.

— В этом конфликте обе страны пролили много крови, погибли люди. Мир, который мы имеем

сейчас, зиждется на этих жертвах. Чтобы не забыть об этом, мы решили провести фестиваль памяти Гая, чтобы поразмышлять о достоинствах покойного сэра Гая.

Сома сделал паузу на мгновение, выравнивая дыхание, прежде чем продолжить.

— Даже сейчас я помню это. На заключительном этапе той битвы, когда он смело направился ко мне со своими ближайшими помощниками, сэр Гай предстал в героическом образе. Невозмутимый и искренний. Эти слова созданы для описания такого человека, как он. Хотя он потерпел поражение, он был истинным воплощением духа амидонского народа. Позвольте мне сказать это определенно. Я боялся Гая VIII!

Шумная река стала тихой. Все молчали, чтобы услышать, что скажет Сом .

— То, как он боролся, продолжая мстить королевству Элфриден, почти заставляло его казаться свирепым божеством. Для человека из королевства Элфриден он был необычайно сложным человеком. Однако я не могу отвергнуть это его упорство. Потому что, несомненно, это упорство было направлено на благо его народа. Оно было направлено на то, чтобы княжество Амидония возвысилось. Для такого воина, как сэр Гай, я уверен, это был единственный доступный ему путь.

— О, принц Гай, — стонал один человек в толпе.

— Твоя галантная фигура выжжена в моих глазах! — вскричал другой.

— Ты сохранил свою гордость воина! Может ли быть большее счастье?

С лодок доносились причитания бывших офицеров княжества.

Политика Гая была направлена на укрепление вооруженных сил, и это не могло не отразиться на положении жителей княжества, но, безусловно, все еще были те, кто уважал его достоинство.

У каждого человека есть свои хорошие и плохие стороны. Его больше не было среди нас, так почему бы не позволить им закрыть глаза на его недостатки и с нежностью обсуждать свои хорошие воспоминания? Не было необходимости продолжать бичевать его, когда он уже умер.

Зная, что это самая сложная часть, Сом .

— Итак, позвольте мне объявить об этом здесь! Пусть обида, которую долго держала княжеская семья, утонет глубоко, вместе с сэром Гаем! Я унаследую его «любовь к своему народу»! Я буду защищать принцессу Ророа здесь всю свою жизнь, защищать жизнь и имущество жителей этой страны, независимо от того, откуда они родом - из региона Элфриден или из региона Амидония! Если я сойду с этого пути и сделаю что-нибудь, что заставит принцессу Ророа или ее народ плакать, сэр Гай, без сомнения, восстанет из Аида, встанет у моей подушки и проклянет меня до смерти! Чтобы избежать этого, я намерен исполнять свои обязанности короля наилучшим образом!

Когда Сом .

Казалось, он удовлетворил сердца амидонского народа.

Король победителей произносил речь перед побежденным народом.

Если бы он был высокомерен, они бы воспротивились этому, а если бы он был слишком слаб, они бы смотрели на него свысока.

Сома должен был быть осторожен с такими вступительными замечаниями, но ему удалось это сделать, сосредоточившись на достоинстве Гая.

Внутренне чувствуя облегчение, он завершил свое выступление.

— Ладно, хватит этих чопорных вступительных речей! Теперь нет ни царства, ни княжества! Пусть обиды и печали канут в Аид вместе с мертвыми! Сегодня давайте оплакивать ушедших и праздновать радость совместной жизни! Итак, пейте, ешьте и пойте! Вспоминая Гая и всех тех, кто покинул нас! Настоящим я объявляю об открытии фестиваля памяти Гая!.

При этих словах Сомы поднялось самое большое ликование за сегодняшний день.

— Не кажется ли тебе, что ты слишком высоко оцениваешь моего старика? — с ухмылкой спросила Ророа, когда я закончил свою вступительную речь.

Народ уже весело проводил время на реке.

На блестящих лодках люди пили, рассказывали истории, слушали игру музыкантов, а Джуна и ее лорелеи пели. Теперь не было ни Элфридена, ни Амидонии, и первоначальная цель - помянуть мертвых - была забыта. Но это было прекрасно. Потому что мы должны были праздновать. Живые должны были праздновать радость жизни всем, что у них сейчас есть.

— Ом, ном, ном, ном!

— Эй, эй, Аиша, — буркнула Наден. — Не слишком ли много за один раз?

— Уф... — Аиша била себя в грудь, как будто подавилась чем-то.

— Вот видишь, я же тебе говорила. Томоз, принеси воды, — сказала Наден, ухаживая за Аишей.

— Хорошо, Наден!

О... Возможно, я слишком много праздную.

Я в отчаянии пожал плечами, положив руку на голову Ророа. — Возможно, я немного преувеличил, но в моих словах не было лжи. Сэр Гай действовал так, как считал нужным для этой страны.

Возможно, наши пути и не сходились, но я был уверен, что он прожил свою жизнь наилучшим образом. И как правитель, я мог ему в чем-то сочувствовать.

Поэтому, по крайней мере, я бы защитил Ророа и эту страну, доказательство того, что он существовал. Я бы связал то, что унаследовал от него, со следующей эпохой.

Пока я обновлял свою волю к этому, Ророа усмехнулся. — Когда ты сказал, что будешь защищать меня всю жизнь...?

— Конечно, я это имел в виду.

— Мвехехех. Я действительно люблю тебя, дорогой.

Ророа обвила руками мою шею и подпрыгнула, впиваясь поцелуем в мои губы.

Ой! У нее был слишком большой импульс, и наши зубы столкнулись. Я обхватил Ророа за талию, и Ророа зависла в воздухе. Это была странная позиция для поцелуя.

Когда через некоторое время Ророа отодвинула свое лицо от моего, она одарила меня самой лучшей улыбкой за сегодня.

— Я обещала это вместе с тобой! Так что, если ты не будешь заботиться обо мне всю жизнь, я не оставлю это просто так, дорогой!

Минутка японской истории (Не будем грузить именами и фактами)

**

Сугавара-но Митидзанэ изгнанный из столицы

Сугавара был учёным, поэтом и политиком, впадшим в немилость при дворе и умершим в изгнании. Во время «Инцидента с ако:», поддержал императора Уду в его противостоянии. Этот поступок принёс ему большое политическое влияние.

Но аристократы были возмущены тем, что неблагородный учёный возведён в такие элитные чины. Они говорили следующего императора, сына Мотоцунэ лишить Сугаварут всего.. Сугавару лишили высокого положения, звания и титулов, понизив до незначительной должности управителя Дадзайфу. Там, в куда более суровых условиях, чем в Киото, ему пришлось испытать нелёгкое житье и тяжёлый труд.

После смерти Митидзанэ Киото поразил ряд бедствий Разгневанный дух Сугавары-но Митидзанэ продолжал насылать на столицу бедствие за бедствием. В конце концов, император возвёл для него святилище и посмертно восстановил в ранге и должностях. А также убрал из официальных записей все упоминания об изгнании Митидзанэ. Тем не менее, это не упокоило духа, и бедствия продолжались. Наконец в 987 году, во времена правления императора Итидзё:, Сугавара-но Митидзанэ был обожествлён и возведён в высший ранг государственного ками (духа-бога). В северном Киото для него выстроили специальное святилище и устроили фестиваль в его честь. Митидзанэ стал известен под именем Тэмман Тэндзин — божество науки. Проклятию наконец-то пришёл конец.

Тайра-но Масакадо** мечтавший о регионе Канто и порабощенный...

Масакадо участвовал во внутренней борьбе земельной знати, что привело к формированию в Канто оппозиции правительства. В результате серий успешных походов против её лидеров Масакадо захватил земли, а также уничтожил государственные провинциальные администрации провинций

Захватив контроль над большей частью региона Канто и имея поддержку местных самураев, он решил основать независимое государство и пошёл на неслыханный в японской истории шаг, провозгласив себя Новым Императором.

В 940 году японское центральное правительство направило карательную армию против Масакадо под командованием лидеров знати. Они разбили их. Масакадо погиб в бою. Его голову отвезли в японскую столицу и выставили на всеобщее обозрение. После того как его голова была захоронена, появились люди утверждавшие, что видели, как голова покойного летала. Когда спустя почти 400 лет в Токио разразилась чума, её также приписали мстительному духу Масакадо

<http://tl.rulate.ru/book/31927/1820667>